

Жизненный путь и личность П. М. Альбицкого

Биография П. М. Альбицкого типична для многих выходцев из духовной среды, выдвинувшей, как известно, в России в прошлом столетии целую плеяду выдающихся деятелей науки и культуры, начиная с Чернышевского, Добролюбова, Помяловского и множества других, кончая В. В. Пашутиным и И. П. Павловым. Во второй половине века около половины студенчества медицинских факультетов (особенно Петербургской медико-хирургической академии) составляли выходцы из духовной, в основном провинциальной, среды.

с. 153

Пётр Михайлович Альбицкий родился 1/X 1853 г. в семье Михаила Силыча Альбицкого, священника Фёдоровского женского монастыря, расположенного на южной окраине старинного города Переславля-Залесского (бывшей Владимирской губернии). В годы его детства в семействе оставалось в живых пять братьев и две сестры, матери он лишился ещё подростком; средств хватало лишь на очень скромную жизнь. Семья была дружная. Михаил Силыч был человеком разумным и добродушным; он не был лишён известной широты взглядов, уважал образование и науку. Два его старших сына стали священниками, два других — Пётр и Василий — врачами; он не только не препятствовал (подобно, например, отцу В. Пашутина) их «бегству» из духовной среды, но на всех этапах его поддерживал. Пётр Михайлович был и до конца оставался его любимым сыном. «С великой радостью узнал (пишет М. С. сыну 8/III 1884 г. — П. В.), что ты наконец вручил Пашутину свою диссертацию, и с большой уверенностью полагаю, что она, как и предварительные твои объяснения, пройдёт без задержки... Когда же будет защита и твой докторский диспут? Желая знать о сём заблаговременно, ибо при всей немощи и дряхлости своей желаю быть на оном и приеду к тебе в Питер...»

В 1886 г., когда П. М. Альбицкий возвращался из Чернигова (см. главу I) в Петербург на кафедру В. В. Пашутина в качестве и. о. прозектора, Михаил Силыч пишет ему: «Каково ты доехал до места? Теперь, после продолжительного гулянья, надо тебе с усердием, серьёзно заняться делами при Академии. Хвалю тебя я за твою любовь к труду и к труду почтенному. Дай бог тебе сил и успеха!» И позже, по получении письма об утверждении в доцентуре: «...поздравляю тебя доцентом Академии. Спасибо тебе большое, что радуешь меня, старика, своими успехами и письмами, от которых я забываю свою старость и недуги, молодею. В преуспевании твоём, даже в Петербурге, где высшая интеллигенция и избранные люди, зная тебя, я и не сомневался. Ура тебе! Подвизайся и далее в усовершенствовании себя и пополняй пробелы знаний».

с. 154

Раннее детство П. М. Альбицкого было в общем счастливым, протекая к тому же в на редкость привольной обстановке.

Фёдоровский монастырь расположен на высоком холме на юг от Переславля, на Московско-Ярославском шоссе, в километре с небольшим от тогдашней городской черты. От города тянулась, поднимаясь к монастырю вдоль шоссе, цепочка крестьянских изб Фёдоровской слободы; она заканчивалась несколькими домиками монастырского причта. Крайним к монастырю и был дом Альбицкого. Из окон открывался широкий вид через шоссе на окрестные поля и за ними, в низине, на Плещеево озеро. Сзади дома, за садом, опять поля, большой «чистый» пруд, богатый карасями, в полуторах километрах старая Ямская слобода с высокой колокольней при церкви, на горизонте лесистые холмы — типичный среднерусский пейзаж. На пруду

*Весёлкин, П. Н. Жизненный путь и личность П. М. Альбицкого / П. Н. Весёлкин // Весёлкин, П. Н. Теоретические вопросы общей и экспериментальной патологии в школе В. В. Пашутина и П. М. Альбицкого / П. Н. Весёлкин. — Л.: Медицина, ленинградское отделение, 1971. — С. 153—181.

постоянно сидел с удочкой, в грязном длинном халате, старый монастырский дьячок, страстный любитель ужения. П. М. Альбицкий рассказывал, что когда они, мальчиками, надоедали ему своими приставаниями, он, если ловил кого-нибудь из них, запихивал голову преступника себе под халат и пускал ему в нос «злого духа», что они считали большим для себя позором.

Жители слободы в основном занимались крестьянством, но близость к городу, с большой старинной бумагопрядильной фабрикой, накладывала свой отпечаток на её быт; много молодежи работало на фабрике, многие крестьяне подрабатывали в городе извозом, плотничьим делом, некоторые совмещали крестьянство с различными ремёслами на потребу городской мелкоты. С слободскими ребятами — сверстниками П. М. Альбицкий был неразлучен с раннего детства и в играх (бабки, городки) и в катанье зимою по шоссе с горы от монастыря на «скамейках», нижняя доска которых обливалась водою, замораживалась и которые катились быстрее всяких саней, но легко вертелись и заносились и управлять которыми надо было умеючи. Летом мальчишки часто хаживали в ночное, а купанье в пруду и на озере было постоянным занятием. Будучи ловким, смелым и озорным, Альбицкий первенствовал во многих играх; в плавании и нырянии (самоучкой, среди мальчишек) он достиг большого совершенства и любил щегольнуть своим этим искусством и в старости. Однажды, уже будучи доцентом Академии, он едва не погиб, решивши поднырнуть под стоявший на Неве в три ряда караван барж и сбившись с направления и пойдя не поперёк барж, а вдоль их. Гуляя в лесу с мальчишками, он вызвался однажды пролезть через узкую бетонную трубу, проложенную в низком месте под шоссе, верстах в двух от слободы. Долез до середины, но труба там слегка сужалась и, застряв в ней, он пролежал там несколько часов, пока приятели не привели фёдоровских мужиков с багром и верёвками и его оттуда не вытащили. Позднее, уже учась в семинарии, он начал охотиться с ружьём, оставшись до конца жизни страстным охотником и рыболовом.

Обстановка детства и ранней молодости оказали большое влияние на формирование личности П. М. Альбицкого, и на многие его привычки и склонности. Любовь к родине, к её природе и людям у него не ослабела с годами.

Всё своё свободное время он в течение всей жизни неизменно проводил в Переславле. Круг его друзей и знакомых среди местных рыбаков, охотников и крестьян был очень широк. Среди них он имел всегда и многочисленных пациентов, часто снабжаемых и лекарствами, иногда даже зимою из Петербурга.¹

Живо рисует обстановку детства П. М. Альбицкого (и его самого, отчасти) письмо, написанное им своему старшему брату — священнику, справлявшему в 1914 г. 50-летие своей службы при церкви села Шокшова (бывшей Владимирской губернии).

Милый, дорогой мой братец Алексей!

Как-то Вы провели день своего юбилея. Без сомнения, все приветствия, которые Вам пришлось выслушать за этот день, были искренни, но я боялся, как бы не переутомили они Вас превыше меры и не отозвалось бы на здоровье. По-видимому, этого не случилось. Мы тоже вспоминали Вас, делали догадки о том, что, и в каком порядке у Вас происходит и, как водится, выпили за Ваше здоровье.

с. 156

Ваш юбилей дорог для меня, между прочим, и тем, что по поводу его, а значит благодаря ему, я несколько раз всей душой погружался в воспоминания и среди этих воспоминаний жил и чувствовал себя, как среди милых и дорогих гостей.

Не знаю, сказывается ли в этом моя старость, или старость тут не при чём, но только перебирая в памяти события, относящиеся к разным периодам Вашего служения, я каждый раз погружался душою в более ранний период — предшествовавший Вашему священству. Из того периода у меня сохранились воспоминания, связанные с Вами. Они носят отрывочный характер, но отличаются такою живостью, что, отдаваясь им, я решительно чувствую себя 9—10-летним ребёнком... Живо помню, как Вы, погостивши в Покрове, приезжали на вакации домой и с каким восторгом встречали мы Вас. Тогда Вы часто ходили в церковь, куда Вас влекло, по-видимому, не одно религиозное чувство, но и возможность полюбоваться на таких, действительно, прекрасных девушек, как Анна

¹ Сохранилось несколько тетрадок, в которых он записывал «истории болезни» такого рода больных. В них подробно отмечены не только условия жизни и быта, семейное положение больного, но и особенности его личности и характера; назначения включают в себя, помимо лекарств, советы относительно поведения, питания и так далее. Подробно записывался и результат лечения, иногда и выводы из наблюдений над больными — «для себя». Внимательность и непритворное сочувствие к больному, вместе с способностью хорошо разбираться в людях и устанавливать с больными человеческие, личные отношения, много способствовали успеху его лечения; авторитет его как врача среди окрестного населения был очень велик.

Матвеевна и Варвара Ивановна. О Вашем возвращении из церкви мы узнавали по особенно быстрому и громкому хлопанью защёлки у той двери, которая вела из заднего крыльца в сени. Я часто бегал открывать Вам дверь.

Вы увлекались тогда собиранием грибов... удили рыбу, а я помогал Вам рыть червей. Насколько я могу судить теперь, удили Вы плохо: суетливо, без выдержки и даже до несурзности горячо. Нередко на крючке оказывалась одна губа того карася, который собирался полакомиться Вашим червяком, а попавшийся карась извлекался из воды с такой силой, что сорвавшись в воздухе и перелетев через крутой берег пруда, попадал в рожь на Ямское поле. Удочки содержались Вами крайне небрежно — они пихом, кое-как, ставились около родного крыльца; удилище изгибалось чуть не в дугу, концы лесок с крючками болтались в воздухе или валялись на земле. Нередко, заторопившись домой, вы даже не снимали червяков с крючков после уженья. Этих червей у заднего крыльца обклёвывали куры и не раз, бедные, попадались на крючок самым обстоятельным манером. Вы похаживали в гости — чаще всего в монастырь, реже в город. К Вам тоже приходили гости, кажется, чаще других — Константин Васильевич Соловьёв, он же Боков, и Пётр Иванович Бессонов, который так хорошо каркал вороном...

Из Ваших занятий за тот период времени мне памятно особенно три: приготовление рамок для картинок, списывание стихов и смотрины невест... Из каких книг и каких авторов стихи Вы списывали, не помню, но как сейчас вижу ту тетрадку, в которую они списывались, и помню место, где происходило это списывание — в задней горнице, за столом, поставленным около правой стены... За этим же столом я иногда учился под Вашим руководством. Не знаю, часто ли это было, но твёрдо помню, что эти уроки не доставляли мне ни малейшего удовольствия. Хотя в прописи, которой я пользовался, говорилось, что будто бы только «корень учения горек, а плоды его сладки», но я на этот счёт держался своего мнения; вторая половина прописного изречения казалась мне пустым звуком. Она напоминала мне те «заговаривания зубов», которые так часто применяют взрослые при назидании детей и слушая которые дети обыкновенно думают про себя: «ладно, рассказывай». Зато истину первой половины я чувствовал всем нутром своим. Мне тогда ужасно хотелось, чтобы вместо духовного училища меня отдали к Борисовскому на фабрику. И стал бы я ходить на смены и возвращаться с них в компании своих приятелей и приятельниц, не томили бы меня эти заботы об уроках и опасения, что меня «спросят», на душе у меня было бы спокойно и весело, картуз я носил бы немного на бок и были бы на нём следы хлопка и пахло бы от меня машинным маслом и был бы я не хуже любого фабричного удалца. Я тайне горячо мечтал об этом. При таких мечтаниях я, конечно, не мог особенно радовать своих учителей. Недаром из всех Ваших уроков у меня сохранился в памяти только один. Я читал Псалтырь, 3-й псалом. Вы следили за моим чтением. Читал я не только очень плохо, но и очень рассеянно. Вы поправляли меня и подсказывали мне. Я так вошёл во вкус подсказывания, что в конце псалма почти сплошь выезжал на нём, повторяя Ваши слова не глядя в книгу. Чтобы уличить меня в этом, Вы после слов «яко ты покорил еси вся враждующая ми» поставили точку и перевели дух. Я сделал то же. Затем, не торопясь, одно за другим, Вы произнесли слова: «Всеу зубы грешников набил еси». Я с чувством повторил их и... получил порядочную таску.

Помню, что Вам много сватали невест, но куда Вы ездили, каких невест смотрели — это не сохранилось в моей памяти...

Всё это и многое другое из далёкого и милого прошлого как-то само собою всплывало в моей памяти, как только я задумывался о Вашем юбилее. И я рад был этим воспоминаниям, повторяю, как самым дорогим гостям, и переживал среди них совсем особую радость, которая не часто посещает душу, сокрушаемую злобою дня. Это та тихая и глубокая радость, которая, наполняя душу счастьем, способна и возвышать её, переживая которую как будто одновременно видишь и лучезарное утро и свет вечерний... и чувствуешь, что «заря с зарёй сходится», и что высшее сокровище души человеческой есть любовь, которая «николи же не отпадает».

Вот это хорошая сторона юбилеев, не похожая на то суетное и ложное, чем большей частью их украшают и в чём часто полагают самую суть их...

Прощайте, дорогой мой. Любящий Вас П. Альбицкий. P. S. И этого письма не смог написать вовремя — сейчас 12 часов ночи. 16 марта 1914 г.¹

Восьми лет он был всё же вместо фабрики отдан в Переславское духовное училище, о котором у него сохранились самые мрачные воспоминания. Училище помещалось в старинном каменном корпусе мужского Данилова монастыря, верстах в полтора от Фёдоровского. «Холод, ощущаемый зимою от полов, и сырость, несмотря на усиленную топку печей, доходит до того (писал позднее, в 1872 г., в очерке истории училища его смотритель А. С. Свирилин. — П. В.), что учителя и ученики должны сидеть в классах в тёплой одежде и в галошах».

¹ Семейный архив Л. Е. Елховской (Иваново).

Огромные классы освещались сальными свечками или тусклыми масляными лампами, так что было трудно читать и по печатному. Занятия начинались в 7 часов утра, продолжаясь (с перерывом на обед) до 4 часов пополудни. Уроки требовалось заучивать наизусть. Советуя (уже в старости) своему внуку прочесть «Очерки бursы» Помяловского как сильное, правдивое сочинение, П. М. Альбицкий говорил, что многое из описанного в нём он сам испытал и видел, учась в духовном училище, хотя и находился ещё в привилегированном положении, будучи приходским и сравнительно обеспеченным. Жившие же на «казённом коште» или у местных жителей на «квартирах» дети сельского окрестного духовенства (в массе своей очень бедного) терпели большие тяготы, голодали, по своей «невероятной» (по выражению того же Свирелина. — П. В.) бедности, часто не имея даже тёплой одежды.

Перейдя по окончании училища, в 1868 г., во Владимирскую духовную семинарию, Альбицкий столкнулся там уже с иной обстановкой. В 60-х годах в духовных семинариях были проведены существенные реформы; ещё важнее, что в эти годы повсюду в них начали распространяться новые веяния. Эту новую обстановку в семинариях 60-х и 70-х годов отмечали многие современники. Земский врач из Псковской губернии П. К. Берёзский так вспоминал, например, о псковской семинарии, куда он поступил в 1869 году:

С начала 60-х годов наше духовное начальство и воспитатели педагоги стали, видимо, относиться к воспитуемым человечнее. Царившие до этого времени в приёмах духовного воспитания ветви с берёзового древа знания мало-помалу изгонялись, а любители их — педагоги заменялись другими. Между учительствовавшим в это время персоналом был образованный и добродушный профессор Л. В. Гурнов, который у своих учеников не ограничивал поля знания одною предстоявшей им духовной деятельностью, а расширял его по способностям своих слушателей; направлял их и сам подготовлял для поступления в те или другие высшие и специальные учебные заведения. При поддержке этого гуманного учителя начал подготовляться для поступления в Медико-хирургическую Академию и я.¹

с. 159

Учившийся в самом начале 60-х годов в Воронежской семинарии В. В. Пашутин так же писал, вспоминая о том, как он решил, не кончив семинарского курса и вопреки желанию отца, поступать в Медико-хирургическую академию, что хотя «бегство» его из семинарии (тем более, что его примеру последовали и некоторые товарищи) «...не пользовалось расположением администрации», зато «...поддерживалось под рукою некоторыми молодыми преподавателями».

Товарищ Пашутина по воронежской семинарии Л. В. Попов (впоследствии преемник С. П. Боткина по кафедре факультетской терапии в Академии) вспоминал об этом подробнее. «В семинарии тогда были уже некоторые преподаватели с новыми веяниями. ... вся атмосфера, так сказать, была проникнута каким-то новым духом, который невольно передавался всем более или менее мыслящим учащим и учащимся. Поэтому не удивительно, что во многих и из воспитанников семинарии родились в то время стремления, шедшие далеко в сторону от задач и направления того заведения, в котором они учились, тем более, что эти стремления поддерживались и поощрялись некоторыми из преподавателей».² Никанор (епископ Херсонский) вспоминал об этом времени с несколько иных позиций. «Сознаться должно, что внутри самих семинарий наставники, которые на классных уроках держали себя более или менее осмотрительно, боясь начальственного надзора, на своих квартирах баловались вольными о религии беседами. Заводились науськивания учеников со стороны молодых наставников против начальства... непослушание. Кто тогда не читал даже „Колокола“ Герцена? До рук школьников он доходил несомненно».³

Во владимирской семинарии в 60-х годах был ректором образованный и сравнительно прогрессивный по тому времени епископ Антоний, привлёкший в семинарию ряд молодых талантливых преподавателей, допустивший в библиотеку ряд светских сочинений и периодических изданий, поощрявший личную и коллективную подписку учащихся на журналы и газеты и даже собрания на дому у преподавателей для «обмена мыслями». Было введено преподавание французского или немецкого языка (по выбору) и физики с математикой. Всё это имело целью повысить общую культуру и подготовку будущих духовных пастырей в соответствии с требованиями времени, но на деле результаты получались иные. Процент «беглецов» из семинарии

с. 160

¹Берёзский, П. К. // Двадцатипятилетие врачей бывших студентов Императорской Медико-хирургической академии выпуска 9-го декабря 1868 г. — СПб., 1893. — С. 49.

²Попов, Л. В. // Двадцатипятилетие врачей бывших студентов Императорской Медико-хирургической академии выпуска 9-го декабря 1868 г. — СПб., 1893. — С. 215.

³Цитирую по: Вольбе, Б. Помяловский / Б. Вольбе. — М., 1936. — С. 42.

в эти годы резко возрос, а Альбицкий сохранил о годах учения в семинарии хорошую память и считал себя во многом обязанным ей в отношении своего общего развития.

Очень памятными оставались ему и хождения пешком, на летние и зимние каникулы домой из Владимира; 150 вёрст [160 км] по переславской «Владимирке» проделывались пешком за 4—5 дней обычно вместе с постоянно тянувшимися по ней обозами с различными грузами. В старости Альбицкий любил вспоминать своеобразную поэзию этих путешествий, особенно зимою, с ночлегами и горячими щами в извозчицких трактирах, с разнообразием встречавшихся людских типов.

В Медико-хирургическую академию Альбицкий поступил в 1872 г. В годы его студенчества Медико-хирургическая академия была одним из крупных центров постоянных студенческих волнений; основная масса студенчества («разночинная» по происхождению) была настроена прогрессивно. Писарев, Добролюбов, Чернышевский и другие писатели этого направления, «запрещённые» сочинения (Герцена и других) читались и горячо обсуждались в этой среде, возникали кружки, связанные с передовыми политическими течениями того времени. На втором курсе Альбицкий был свидетелем (и отчасти участником) знаменитой «Ционовской истории», сопровождавшейся общей забастовкой всех курсов, арестами среди студенчества и затем, с осени 1874 г., попытками со стороны властей ввести в Академии чисто полицейский режим. Всё это протекало на фоне сложной, острой борьбы между более прогрессивной и реакционной (в основном «немецкой») группами самой академической профессуры. Сходки и демонстрации студентов по разным мотивам не прекращались и позже, в течение всего периода пребывания Альбицкого в Академии.

В эти годы академическая профессура была богата выдающимися учёными, такими, как хикмик Бородин, анатом Грубер, терапевт Боткин, гигиенист Доброславин, хирург Склифосовский и другие, производившими на студентов яркое и сильное впечатление.

Воспоминания о годах студенчества и многое из настроений этой эпохи сохранились у Альбицкого до конца жизни, как и приобретённые им ещё студентом сочинения Салтыкова-Щедрина и Добролюбова. Подарком его молодой жене был том стихотворений Н. А. Некрасова.

В 1915 г. осенью он писал своей старшей дочери, вспоминая об одном читанном им в молодости стихотворении:

Это стихотворение (перевод с английского) я прочитал в журнале «Отечественные записки», будучи студентом 3-го или 4-го курса (1874 или 75 г.). Оно очень понравилось мне, я перечитал его несколько раз и запомнил. Нынешним летом, направляясь на рыбную ловлю в Усолье,¹ я, идучи Усольским лесом, погрузился в воспоминания о своей молодости и студенческих годах и настроениях. При этом, как-то само собою, начало выплывать в памяти и заученное мною тогда стихотворение. Я обрадовался ему, как дорогому гостю, но к огорчению своему убедился, что память мне изменила и что значительное число сильных и прекрасных строк я никак не могу вспомнить.

с. 161

...Волнуется столица, словно море.
 О, сколько бед сокрыто в глубине!
 Чем облегчить возможно это горе?
 О, Господи, скажи, что делать мне?
 Детей везде встречаю я толпами
 Не розовых, резвящихся детей,
 А тех, что я сравнить бы мог с цветами,
 Засохшими без влаги и лучей.
 Где их приют? В сообществе порока.
 Где колыбель? Под кровом нищеты,
 .....
 Там, где жильцы, забытые созданья,
 Проводят ряд своих тяжёлых дней
 И наперёд, средь горького сознанья,
 Знакомятся с могилою своей.
 Как здесь темно, как холодно, как душно,
 Как сыростью несёт со всех концов,
 А мимо них проходят равнодушно

¹ Село Усолье — в 18 км от Переславля по Старому Калязинскому тракту, на р. Нерль, недалеко от образуемого ею небольшого илистого озера Сомина, богатого рыбой. Дорога, около 9 км вплоть до Усоля, пролегла дремучим сосновым бором.

Хозяева соседних им дворцов.
 Их мир забыл, оставила их вера;
 Однако же есть гости и у них:
 Горячка, тиф и оспа, и холера,
 И множество, и множество других...
 .....
 Что целый мир заполнившие слёзы
 Когда-нибудь затопят нас самих...

20 сент. 1915 г.

Увлекаясь во времена студенчества теоретическими предметами, Альбицкий имел, однако, склонность и к практической медицине. До конца дней он и сам не оставлял полностью, как уже было сказано, лечебную медицину. Социальные аспекты медицины также очень волновали его — им он посвятил, в частности, свою актовую речь (в 1891 г.) в Академии в качестве новоизбранного профессора общей патологии. Огромное влияние имели на него во времена студенчества С. П. Боткин и гигиенист А. П. Доброславин. Как он относился к деятельности этих двух своих учителей, видно из его письма к жене по поводу их кончины:

с. 162

Приписываю своё дурное сравнительно самочувствие (пишет он 16/XII 1889 г. — П. В.) тому, что на меня крайне тяжёлое впечатление произвела смерть А. П. Доброславина и, потом, и смерть С. П. Боткина. Представляя себе этих цветущих людей, я просто подавляюсь мыслью, что их нет. К чувству искренней и глубокой, так сказать, гражданской скорби по поводу кончины Алексея Петровича и в особенности незаменимого, гениального, по-моему, Сергея Петровича присоединяется чувство какого-то трепета за всё дорогое, жгучее сознание непрочности нашего счастья вообще, тщетности всех наших надежд и стремлений и т. д. Решительно подавляющие впечатления!¹

Сочинения и лекции Боткина сохранялись в библиотеке Альбицкого с многочисленными пометками. Очень почитал он ещё А. П. Бородина и как учителя химии (химию Альбицкий любил и хорошо владел ею практически), и как человека и музыканта. В 70-х годах Бородин был организатором и дирижёром хора студентов Академии, с успехом выступавшего под его управлением и на серьёзных концертах. Альбицкий рассказывал, как будучи студентом и работая вечером в химической лаборатории, он с группой товарищей присел в коридоре отдохнуть и они тихонько затянули хором какую-то старинную песню. Из своей квартиры (помещавшейся в том же коридоре) вышел Бородин, попросил их попеть ещё и предложил им всем участвовать в хоре. Хоровое пение в среде провинциального духовенства и семинаристов в те годы было широко распространено. У самого Альбицкого был небольшой тенор, отличный слух и большая музыкальная память; он знал много старинных русских песен и умел и в старости передавать их во всём своеобразии народного исполнения. Участие в хоре Бородин приобщило его к серьёзной музыке того времени. Бородин и Глинка были впоследствии его любимыми композиторами. «Руслана» он мог напевать тихонечко себе под нос, сидя с удочкой на озере, кажется, почти целиком.

Курс Альбицкого был выпущен досрочно, в феврале 1877 г. в связи с начавшейся Русско-турецкой войной. В качестве «зауряд-врачей» (без диплома) кончающие студенты были направлены в действующие армии. Всю войну до заключения мира Альбицкий проработал в армии, сначала в отряде Красного Креста, затем в полевом госпитале № 63. В армии он близко увидел впервые Н. И. Пирогова; по его словам, однако, это уже был не тот Пирогов, которого он так почитал по рассказам и по «Севастопольским письмам».

с. 163

После возвращения в Академию в 1879 г. для сдачи экзаменов и прикомандирования к ней «для усовершенствования» Альбицкий начал работать в лаборатории В. В. Пашутина.

С окончанием срока своего прикомандирования к Академии Альбицкий, уже ушедший с головою в работу и существенно в ней продвинувшийся, оставался без определённого заработка. В 1880 г. он женился на только что окончившей Петербургские Высшие (Бестужевские) женские курсы Вере Егоровне Мартьяновой, своей землячке по происхождению из Переславля-Залесского. В 1881 г. у них родился первый ребёнок. Отсутствие средств долго не позволяло

¹ Нельзя не вспомнить ещё раз по поводу этой оценки С. П. Боткина ближайшим учеником Пашутина «концепцию» Ф. Р. Бородулина о «борьбе» реакционера Пашутина и его последователей — патологов с «теорией патогенеза» С. Боткина (см.: Бородулин, Ф. Р. С. П. Боткин и нейтрогенная теория медицины / Ф. Р. Бородулин. — М., 1949). Об этом также: Весёлкин, П. Н. Об исторической оценке русской патологии 70—80-х годов (Ещё раз по поводу «исторической концепции» Ф. Р. Бородулина о «борьбе» русской патологии с С. П. Боткиным) / П. Н. Весёлкин // Физиологический журнал СССР. — 1953. — Т. 40, № 5. — С. 662.

Альбицкому организовать совместную семейную жизнь в Петербурге; в течение пяти лет его жена и дети жили в Переславле у своих родственников. Позиция молодой жены, не хотевшей и слышать от отказа Альбицкого от научной карьеры и готовой на любые личные жертвы и на многолетнюю жизнь с ним врозь ради этого, была для него в эти годы большой поддержкой; он не забывал об этом до старости. Большая переписка его с женой в эти годы позволяет привести здесь ещё несколько отрывков из писем, небезынтересных для характеристики его личности.

Весною 1880 г. (ещё женихом), он пишет из Переславля, находясь в отпуске, своей невесте в Петербург, где она заканчивала Высшие женские курсы:

Как хорошо здесь: цветут яблони, вишни, черёмуха; леса совсем оделись, а трава такая свежая, птички как поют, пчёлы летают. Сегодня ночью была сильная гроза, какое утро после грозы! Всем этим я наслаждаюсь — невозможно не наслаждаться, но нет тебя — и не полно наслаждение... Сажу на балконе, на траве: сад зелёный и белый, ароматный, налево озеро стоит, не шелохнётся, разделилось на какие-то полосы белые и синеватые, причудливые, глаз не отведёшь...

с. 164

Дни мне кажутся слишком длинными, и ночи, несмотря на всю свою прелесть, иногда чуднотомительны для меня. Был на тяге; лес просто стонет от избытка жизни и счастья. Я пробыл в нём до глубокой ночи... и всё время томился, не могу я жить без тебя...

Перевидался я здесь почти со всеми, постоянно на народе и постоянно один. Знаешь ли, кого я увидел в числе других? Поливекта Фёдоровича.¹ Обрадовался до смерти. Он у Острцова письмоводителем. Ты увидишь его и полюбишь его демоническую и мягкую натуру... Больные начинают одолевать...

В 1881 г. из Петербурга:

...нанял уже комнату за 10 рублей в месяц. Дом в самом начале Симбирской улицы (ныне — улица Комсомола. — П. В.), против того места, где расходятся конки, от Академии близко... Комната небольшая, с одним окном. Окно обращено на восток и свету будет много. Хорошо ещё то, что перед окном на большое расстояние тянется огород с зелёными грядками и только вдали уже возвышается задняя часть того здания, что против Финляндского вокзала. Огород, конечно, жалок по сравнению с нашими, но всё-таки летний вид, не противно глядеть...

25/VII 1881 г. Сажу теперь за самоваром — 11-й час вечера. Только что вернулся с купанья. Дождь сегодня идёт весь день такими припарками, что просто страсть, буквально проливной. В одну из таких припарок я и купался. Купаюсь каждый день, и так славно освежает меня это. Вода не тёплая, всего 13°, но я купаюсь довольно подолгу и не озлябаю.

Тесно только мне в здешних купальнях. Кабы в Неву можно было выбраться — показал бы я свою удаль и потешился бы. Впрочем, насчёт ребяческого самолюбия я и тут совершенно спокоен. Известен я под именем «господин в рыжем пальто» и ходят нарочно и других водят посмотреть, как купаюсь. «Вот этот свободно Неву переплывёт, за это я голову отдам. Нет, ты погляди, как он ныряет» и т. п. Подобных замечаний я наслушался много.

1884 г., 4 мая... Сейчас узнал новость: вчера была конференция, на которой порешили, что последним днём для диспута будет следующая суббота, т. е. 12 мая. Не знаю, успеет ли типограф отпечатать мне за 5 дней всю диссертацию. Буду просить его завтра утром и, узнавши наверно, пошлю тебе телеграмму... Пашутин очень просил меня умягчить типографа и просил в то же время, чтобы я духом не падал: в случае неудачи в типографии он сам, лично, обойдёт всех профессоров и моих оппонентов и сделает всё, чтобы в этом случае назначили для меня одного отдельный диспут 19-го мая... я не робею, а всё же хотелось бы защищать вовремя.

с. 165

Если получишь телеграмму, выезжай поскорее. Тятеньку от всей души прошу приезжать. Без него мне гораздо хуже будет чувствоваться. Уговаривай его, пожалуйста, и помоги ему получить отпуск... Скажи (ему), чтобы он от благочинного, или вообще от кого следует, взял бумагу, что «к выезду в Питер препятствий не имеется»... о часе!!! приезда — извести. Всех желал бы я видеть на диспуте.

Николая Сергеевича² глубоко жалею. Пить водку и, главное, курить табак непременно разрешить ему. Коли подумаешь, сама увидишь, как жестоко и глупо лишать его последней (!!!) его отрады и главной отрады всей жизни его теперь... Доктора московские непословательны до глупости... Г... разного, вроде морфия, назначили — а водку и табак запретили! ослы! Твой П. А.

В это время Альбицкий уже получил назначение на должность помощника врачебного инспектора черниговской губернской управы. Но в начале 1884 г. им ещё владели размышления

¹ Друг молодости П. М. Альбицкого — П. Ф. Цезаревский.

² Н. С. Макаров — дядя жены Альбицкого, умиравший в это время от рака.

и сомнения о дальнейшей своей судьбе, о поиске и выборе места. Тяжесть положения Альбицкого усугублялась тем, что он внутренне уже вполне убедился, что наука — настоящее его дело. Вместе с тем, обременённый долгами и растущей семьёй он не мог не думать и о постоянном, обеспеченном заработке. Фактически перед ним вставал вопрос об отказе (временном, а может и окончательном) от работы по экспериментальной патологии, целиком уже его захватившей. Более или менее реально намечалось врачебное инспекторство на юге или место фабричного врача в Иванове.

с. 166

Как бы мне хотелось поговорить с тобой (пишет Альбицкий жене в феврале 1884 г. — П. В.)... вот хожу взад и вперёд по комнате и разговариваю сам с собой. Заело меня раздумье о местах и никак успокоиться не могу. Хоть бы на время решить как-нибудь... желать одного чего-нибудь и чувствовать определённым образом! Так — никак! Хоть жребий мечи, узелки вытаскивай. Иваново или инспекторство... Поверишь ли, просто мучаюсь, решить на мах страшно, вопрос крупный, жизненный, а данных для решения мало... Сведения, полученные от Вас. Ив. (о том, что сейчас на 9 мест пом. инспектора 175 желающих) придают некоторый букет инспекторству... но в другие минуты я, ей-богу, рад бы радёшенек был бы очутиться в числе оттертых. Хлопотал бы я об Иванове, не отворачивался бы от своей медицины, поступил бы в больницу, путём занялся бы медициной... Я, по-видимому, имею некоторые задатки для практики... как начну орудовать в больнице, улучшения вводить, новые способы лечения применять и т. д., так и самому весело будет и публика восчувствует... И от Переславля и от Владимира и от Шокшова недалеко... Тут родная сторона, а заехавши далеко, вряд ли скоро, легко подымешься... А из Иванова — рукой подать. А что мне — чины, ордена? Или мне до старости трястись инспектором?... У меня теперь полдня за инспекторство, да полдня за Иваново...

Как видишь из этого письма, я больше клонюсь к Иванову... не могу я думать об инспекторстве без тревоги, без какой-то тоски...

В том, что окончательно вопрос решился всё же в пользу инспекторства, сыграло главную роль определённое заявление Пашутина (сделанное им не только самому Альбицкому, но ряду других его учеников и даже академическому начальству) относительно того, что в случае выдвижения в профессора прозектора кафедры С. Д. Костюрина он предложит прозектуру Альбицкому. Это было уже реальной для него перспективой возвратиться к науке, а устройство на место приобретало характер временный. В этих условиях инспекторство, не требовавшее серьёзной, полной отдачи себя лечебной медицине, было, как служба, предпочтительнее, и это решило дело. Само назначение и отъезд в Чернигов стоили Альбицкому немало нервов. Через 1½ месяца после защиты диссертации он ещё сидит в Петербурге, оформляя своё новое назначение. 14 июня 1884 г. он пишет жене:

Хорошо ты сделала, что уехала (в Переславль. — П. В.), истосковалась бы ты здесь. Завтра неделя будет, как проводил я тебя, а дела мои лишь немного продвинулись, хотя я ежедневно бывал в департаменте и следил за ходом дела. До тошноты опротивела мне проклятая канцелярщина, особенно тот стол, которым заведует Стручков, предлагавший мне «наведываться». Идиотами сплошь заполнен этот стол и идиотами злыми, охотно делающими всякому пакость и только пакость. Благодаря этим идиотам я и сижу, благодаря им же я потерял 150—200 руб. Нашли они статью, по которой мне прогонов не полагается.

с. 167

Как уже было сказано, Альбицкому пришлось пробыть в Чернигове всего около года. Обстановка работы его как помощника инспектора за это время оказалась не столь тяжёлой, как он боялся; начав и частную практику сначала среди беднейшего, по преимуществу еврейского населения, он быстро приобрёл в Чернигове как врач довольно широкую популярность; хотя это и помогло ему несколько поправить свои материальные дела, но вовсе не полностью. Летом 1885 г. он пишет из Петербурга:

Перевод мой состоится, вероятно, через 1½—2 недели... в первые три месяца я буду, к сожалению, получать только 81 р. в месяц. Это общее положение для переходящих на военную должность: как-нибудь перебьюсь. В кармане всего 5 р. с копейками — но зато на сердце светлее и гораздо спокойнее, чем при черниговских деньгах. Вот только опять разлука с тобой тяжела уж очень для меня, но бог даст, к осени заживём вместе и рай будет у нас.

Всё-таки по разным причинам совместная семейная жизнь в Петербурге налаживалась с трудом, и далеко не каждую зиму в эти годы семейство Альбицкого целиком проводило вместе. Иногда этому препятствовали и трудности найма подходящей квартиры. О причинах, например, очень позднего переезда семейства Альбицкого в Петербург в 1887 г. даёт некоторое представление следующий казус, описанный в его письме к жене от 17/X 1887 г.

Сейчас принесли письмо твоё. Озадачила ты меня сильно. Пишешь, что на Шпалерной ни за что не хочешь жить,¹ а я как раз на Шпалерной-то и нанял квартиру. При поисках квартиры столько улиц и переулков (от Невы до Невского и от Фонтанки до Таврического) обегано бесплодно мною и Николаем, что я уже начал отчаиваться в возможности найти квартиру, когда Николай доложил, что «на Шпалерной мало-мальски подходящая есть». Я посмотрел и нанял за 35 руб. в месяц без дров. Дал задаток. Если ты решительно против Шпалерной, то попытаюсь поискать ещё, хотя боюсь, что поиски будут бесполезны. А эта квартирка недурная...

(следует план и всяческие описания преимуществ этой квартиры, вплоть до осторожной ссылки на то, что «...касается Шпалерной, то наша квартира касается этой неприятной улицы только на бумаге, а в существе дела она ближе к Неве, чем к Шпалерной» и т. д.). Вера Егоровна, однако, осталась непреклонной, и в результате переезд их задержался надолго. В 1888—1889 гг. семья зимовала в Переславле.

Эти годы были у Альбицкого заполнены ещё более напряжённой (и разнообразной) работой, чем в предшествующий петербургский период.

Помимо ассистентских обязанностей, лекций, секретарства и прочего, экспериментально он работал весь этот период на два фронта — «для себя», по кислородному голоданию и гиперкапнии, и по пищевому голоданию «для Пашутина». Трудно сказать, какое из этих двух направлений исследований отнимало у него больше времени. Отдыхать удавалось редко.

Летом 1888 г. он пишет:

На троицын день Сергей Егорович² утащил меня к себе на дачу. Уехал я в субботу вечером, возвратился вечером в воскресенье — таким образом день прогулял. На даче провёл время с удовольствием. Прекрасный воздух, зелень, масса цветущей сирени при прекрасной погоде — всё это сильно на меня действовало. В такое время везде прекрасна природа и нельзя не любоваться ею. Финляндская природа, кроме того, представляет много интересного и прекрасного. Но, интересуясь ею, любясь, я постоянно чувствовал, как щемит моё сердце, тосковал по той природе, которая для меня дороже и красивее всякой другой. Весь день у меня прошёл в каком-то грустно-созерцательном настроении. Привёз с собою букет сирени и букет ландышей; запах прекрасный, но опять-таки представляется, что он доносится «откуда-то» (!!) издали... и страшно тянет меня в эту милую даль... и ленится работать. А работы с прогулом накопилось много, и приходится навёрстывать.

Не знаю, что сказать тебе насчёт работы. Вышло далеко не то, что я ждал: думал гораздо больше сделаю, уверен был, что двух зайцев сразу поймаю. Может быть, и поймал бы, если бы не преследовали разные невзгоды по части ящиков, да газометров, но благодаря этому моё нынешнее пребывание в Питере исчерпывается наблюдениями за голодающими кроликами. Работать пришлось много, цифр получилось масса и некоторые представляют столько интереса и ставят столько вопросов, что со временем я продолжу эти наблюдения, сделанные как бы между прочим. Может быть, опубликую их в виде отдельной работы. Во всяком случае у меня есть материал для статьи, и притом, совсем не такой, которые пишут для счёта и которых я никогда писать не буду.³

Так что в общем надсадился не даром. Я здоров. Вчера получил от тятеньки дорогое и прекрасное письмецо — постараюсь ему написать по скорости.

4 июня. Вчера написал я это письмо, но так заторопился в лабораторию, что забыл отправить его... Вот что, дорогая моя: 1) поправили ли моё ружьё? Сломанный замок лежит в том маленьком сундучке, который обыкновенно стоял около шифоньерки. Поторопи Николая Ивановича;⁴ 2) призови Герасима Максимовича и закажи ему для меня охотничьи сапоги. Дай ему мои старые. Пусть он новые сделает такие же просторные, даже просторнее, непременно.

¹Вера Егоровна предупреждала его в письме, что она ни в коем случае не хочет, чтобы будущая их квартира находилась вблизи от политической тюрьмы, располагавшейся за Окружным судом на Шпалерной улице (ныне — улица Воинова).

²Старший брат жены Альбицкого С. Е. Мартьянов, военный инженер, служивший в Главном Артиллерийском управлении в СПб.

³Этот свой взгляд на публикацию научных работ Альбицкий сохранял до конца жизни и высказывал его и публично. Так, например, представляя в 1917 г. своего ближайшего ученика Е. А. Карташевского на кафедру в Пермь, он считает нужным особо отметить в представлении в Совет Университета, что «Карташевский... относится к науке с тем уважением, при котором становится психологически невозможной quasi-научная деятельность, характеризующаясь больше всего счётом напечатанных трудов»... (цитирую по черновику из архива П. М. Альбицкого). Как известно, чрезмерной сдержанностью в журнальных публикациях (несомненно, во вред себе и науке) в годы своего научного расцвета «грешил» и В. В. Пашутин.

⁴Н. И. Осипов — с молодых лет и до старости ближайший друг П. М. Альбицкого и его семьи. Мелкий канцелярский служащий, впоследствии видный деятель Переславской кооперации, в которой работал и после революции. Умер в 1933 г.

В 1889 г. возникает перспектива назначения его профессором общей патологии медицинского факультета Томского университета. Первый набор студентов этого факультета в 1890/91 учебном году должен был уже переходить на третий курс и к началу года требовалось сформировать и заместить кафедры для этого курса. Вопрос в таких ситуациях в то время решался назначением; по рекомендации Пашутина в Томск и был назначен Альбицкий. Во второй раз расставаясь с Петербургом, Альбицкий собирался в Томск с расчётом на длительную работу, со всем семейством. Предполагалась, по тогдашнему обыкновению, для него и предварительная, на 3—4 месяца, заграничная командировка от министерства просвещения «для приготовления к профессуре».

Решив сначала ехать в Германию с женой в феврале 1890 г. и уже предприняв для этого некоторые предварительные шаги, Альбицкий, однако, передумал. 17/I 1890 г. он пишет:

Третьего дня я был опять в Департаменте. Сказали, что насчёт моего назначения уже уведомлен военный министр и через несколько дней будет уведомлена и Академия... В Департамент ездил я с совсем особыми думами и целями — обдумывая на разные лады своё материальное положение и цель и последствия заграничной поездки, я всё больше и больше приходил к мысли, как бы эта поездка не вышла прежде всего бесплодной и дорогой мукой. С 1 апреля до мая за границей всюду каникулы и лаборатории закрыты. В апреле, следовательно, поглядеть ничего не придётся, в марте придётся поглядеть очень мало... Притом, всё, что я увидел бы за границей, могло бы иметь очень относительное значение для моей ближайшей деятельности в Томске — первое время и наши отечественные лаборатории будут для меня недостижимым идеалом... О различных заграничных удовольствиях, при настоящих условиях, мне как-то и думать не хочется. В то же время здесь у меня заведена интереснейшая работа и притом такая, для продолжения которой я не нашёл бы подходящих условий нигде и за границей. Вот я думал-думал, да и додумался до того, что мне захотелось отвлиться от поездки за границу теперь (разумею — до отъезда в Томск, а когда и как мне удалось бы осуществить эту поездку — даже не представляю). Я и пошёл в Департамент пощупать, нельзя ли мне, по всяким обстоятельствам, вместо заграничной командировки устроить прикомандирование к лаборатории профессора Пашутина. При таких условиях я прежде всего отдохнул бы недельки две в Переславле, потом, оставшись здесь примерно до начала мая, далеко продвинул бы свою работу и постарался бы коротенько написать её.

Я здесь бы заказал инструменты, приборы, достал бы разных анатомических препаратов и всё это отправил бы в Томск, т. е. даже для своей деятельности в Томске я бы больше приготовился, чем в немецком отеле. В Департаменте Камчатов, с которым я говорил откровенно, говорит, что это можно будет устроить, стоит только мне побывать у министра и объяснить ему положение дела. Заручившись этими сведениями, я говорил с Пашутиным. Он вполне разделяет мои думы (как будто даже польщён)... Теперь я заготовлю докладную записку министру, а Пашутин сначала подготовит его («ему, конечно, всё равно», говорит Пашутин)... Так вот: скоро моё положение определится в несколько новом, кажется, лучшем смысле. Как только это случится, постараюсь приехать в Переславль.

В предвидении предстоящего окончательного соединения с семьёй он пишет жене, как бы подводя итоги девятилетнего их супружества:

С каким удовольствием думаю я, что скоро прекратятся эти продолжительные и столь тяжёлые разлуки наши и будем мы (все) вместе. Просто жутко вспомнить ряд пережитых нами искусов, перенесённых лишений! В общей сложности сколько лет (и каких лет!) провели мы с тобой вдали друг от друга! Да, это именно тяжёлый иску. Не подумай, впрочем, что я ропщу на судьбу свою: нет, я очень далёк от этого. Мне много раз приходилось думать о том, было ли бы лучше, если бы мы с тобой, с первого дня нашей семейной жизни, были бы неразлучны? Была ли бы также чиста и глубока любовь наша, как теперь? Это не пустой вопрос... Ну, а в конце концов и профессура тоже в некотором роде «за подвиг награда»...

Пребывание Альбицкого в Томске оказалось недолгим; в связи с уходом Пашутина с кафедры на должность начальника Академии он был избран на его место и новый, 1891/92 учебный год начал уже профессором в Петербурге. На кафедре в Томске (как и за год перед этим в должности прозектора у Пашутина) его сменил профессор А. В. Репрев.

Кафедру в Академии Альбицкий получил в отношении исследовательской работы, так сказать, на полном ходу. Он нашёл там ряд лиц, начавших работу у Пашутина ещё до его отъезда в Томск. Одни заканчивали свои диссертации (Н. Г. Ушинский, Г. Г. Скориченко), другие продолжали или только начинали свои исследования (Н. П. Кравков, А. Коган, Д. И. Тимофеевский, Л. Рудольский, А. А. Лихачёв). Вскоре появляются и новые работающие (Протасов, Харуцкий, Предтеченский, Студенский, Авроров и другие). Направление исследований оста-

лось, как и рассчитывал Пашутин, выдвигая на кафедру Альбицкого, тем же, что и в предыдущие годы; руководство ими, однако, полностью легло на Альбицкого.¹

В первый год профессорства Альбицкого на кафедре собирался, устанавливался и проверялся А. А. Лихачёвым первый и единственный в мире в то время калориметр для человека системы В. В. Пашутина. На нём была выполнена затем диссертационная работа Лихачёва о теплопроизводстве у здорового человека (1893) и позднее — классические исследования Лихачёва и Авророва по теплообмену человека при лихорадке и мышечной работе (1902). Изучение теплообмена при лихорадке, в её динамике было развито также в работах А. А. Студенского (1897) и Н. В. Весёлкина (1910—1915); важные данные по обмену веществ при перегревании были получены С. Предтеченским (1901). Принципиальное значение для учения о теплообмене и теплопродукции имели работы П. П. Авророва (1899) и А. А. Студенского (1897) по проверке при различных условиях выдвинутого Рубнером принципа полной взаимозаменяемости расчётов общей теплопродукции по данным прямой и непрямой калориметрии. Проведённые в наиболее совершенных для того времени методических условиях, эти работы полностью подтвердили принцип Рубнера в отношении точности расчёта по продуктам обмена теплопродукции здорового организма. Вместе с тем, А. А. Студенским было впервые обнаружено, что при лихорадке (и при беременности) возможно существенное расхождение в данных прямой и непрямой калориметрии и впервые указаны условия, при которых можно ожидать подобных расхождений теоретически. Эта принципиально важная для учения о теплообмене работа, к сожалению, в то время не привлекла должного внимания. Подтверждение и дальнейшее развитие она получила лишь в 50—60-х годах нашего столетия в работах советских патофизиологов и биохимиков.

Таким образом, в физиологию и патологию теплообмена вообще и в формирование современных представлений о механизмах развития лихорадки лабораторией П. М. Альбицкого был внесён вклад принципиального значения.

В первые годы его заведывания кафедрой был закончен и выполнен также ряд серьёзных работ по голоданию (Рудольский, Протасов, Студенский, Авроров, И. А. Пашутин); наиболее оригинальными из них были, опять-таки, связанные с изучением при этом теплообмена и обмена энергии.

В 1892 г. здоровье Альбицкого значительно пошатнулось; у него было обнаружено начало туберкулёза лёгких и значительно понизилась его исключительная раньше трудоспособность.

Туберкулёз часто встречался в семье Альбицких; от туберкулёза умерли два его старших брата в молодом возрасте. Опасаясь наследственного предрасположения, Альбицкий принял энергичные меры и, не прибегая ни к какому лечению, стал вести строго регулярный образ жизни, уделять много времени ежедневной физической работе на воздухе (колка дров, разгребание снега во дворе, регулярные прогулки пешком и так далее). В этих условиях, при множестве новых для него служебных обязанностей и руководстве большим и сложным коллективом работающих, он долго не находил сил и времени для собственной лабораторной работы. К концу 90-х годов здоровье его улучшилось, и он снова начал сам работать в лаборатории. Однако доложенное им на IX Пироговском съезде врачей в 1904 г. исследование о влиянии различных степеней недостатка кислорода на газообмен было его последней личной экспериментальной работой, и дальнейшие исследования по кислородному голоданию и влиянию избытка углекислоты на организм выполнялись уже его учениками (Е. А. Карташевским, позднее — Н. В. Весёлкиным).

¹ До 1904 г. кафедра помещалась по-прежнему в анатомическом корпусе на бывшей Нижегородской улице; после 1904 г. — в отдельном здании в бывшем Ломанском переулке, выстроенном для неё и для кафедры нормальной физиологии на кредиты, выхлопотанные ещё Пашутиным в год его смерти.

Штатными прозекторами (ассистентами) кафедры были при Альбицком: с 1891 по 1896 гг. Д. И. Тимофеевский, в 1896 г., недолго Н. К. Чермак, затем до 1904 г. П. П. Авроров; с 1904 по 1912 гг. Е. А. Карташевский. Все они позднее занимали кафедры (в Томске, Юрьеве, Перми, Петрограде—Ленинграде, Краснодаре).

Оставленный при кафедре в 1894 г. для усовершенствования (с 1899 г. — приват-доцент) А. А. Студенский работал на ней до своей преждевременной смерти в 1903 г. Кроме него, приват-доцентами состояли: с 1894 г. Г. Г. Скориченко (позднее профессор истории и энциклопедии медицины ВМА), в 1897—1899 гг. — А. А. Лихачёв (читавший курс лекций по животной теплоте и лихорадке), позднее профессор фармакологии ЖМИ и I ЛМИ, в 1897—1898 гг. — Н. П. Кравков (с 1898 г. — профессор фармакологии ВМА); до 1895 г. Н. Г. Ушинский и до 1912 г. читал лекции по патологии крови доцентировавшийся ещё при Пашутине Я. А. Коган. В 1910 г. звание приват-доцента Академии получил прозектор кафедры Е. А. Карташевский.

В 1900-х годах Альбицкий был удостоен (по избранию конференции) звания Академика.

В 1899 г. Альбицкий был приглашён занять, кроме кафедры в Академии, кафедру общей патологии в только что открытом Женском медицинском институте (ныне 1-й ЛМИ имени И. П. Павлова). Придавая большое значение высшему образованию женщин, Альбицкий принял это предложение и круг его служебных и педагогических обязанностей сильно возрос, тем более, что кафедру в ЖМИ надо было создавать заново, а штатного помощника по этой кафедре до 1904 г. не было.

с. 173

В 1904—1910 гг. Альбицкий работал над теоретическим анализом и обобщением накопленных за многие годы материалов по влиянию на организм углекислоты, впервые приступая к их публикации. Первоначально Альбицкий думал опубликовать по частям весь фактический материал, завершив эти публикации обобщающей работой и выводами. Позднее этот план был отброшен, работа получила обобщающий, идейный характер, а фактические данные были в ней приведены лишь в обобщённой форме и выборочно. Альбицкий вообще писал медленно, долго обдумывая предварительно наилучшую форму изложения, пробуя и проверяя её в многочисленных черновых набросках. К этой своей работе, которую он считал основным трудом своей жизни, он подходил с особой требовательностью и не раз переписывал заново уже почти законченный текст. В 1910 г. она была закончена и под названием: «Об обратном действии или „последействии“ углекислоты и о биологическом значении CO_2 , обычно содержащийся в организме», выпущена отдельной монографией (СПб., 1911), напечатана полностью в «Известиях ИВМА» (1911) и (в переводе на немецкий язык Г. Ф. Ланга) в Pflüger, Arch. f. d. ges. Physiologie, 1912, В. 145. В 1913 г. монография Альбицкого была удостоена Академией наук премии имени Уварова.

В этой монографической работе с наибольшей полнотой отразился умственный склад Альбицкого как учёного. Уже в первой, диссертационной работе молодого Альбицкого, в заключительных страницах её, после самого скрупулёзного обсуждения полученных фактов и строго конкретного по ним заключения выдвигаются достаточно широкие обобщения по вопросу о состоянии обмена веществ в организме при кислородном голодании и биологическом значении возникающих при этом явлений. Скромно называя эти обобщения только «попыткой представить себе состояние животного организма под влиянием недостатка кислорода» (диссертация, с. 118), «не более чем предположением», Альбицкий заканчивает диссертацию очень характерным пожеланием, чтобы в будущем «ум сильный, глубоко обобщающий, которому суждено уяснить явления дыхания», нашёл в его работе «хоть крупинку материала для своей мысли и для своих выводов» (диссертация, с. 119). Характеризуя в своём биографическом очерке умственный склад своего учителя и особенно подчёркивая сочетание в нём «обобщающего, философского ума» с «аналитической способностью... с железной логикой и редкой критической силой», Альбицкий противопоставляет его учёным, у которых, при обширной учёности и трудолюбии, «собственные мысли часто бледны и скудны; они как бы заменены знанием голых научных фактов». Альбицкий, говоря о Пашутине (и сравнивая его в этом плане с его «знаменитым учителем С. П. Боткиным»), несомненно, рисует свой идеал учёного-мыслителя, подчёркивает в нём те черты, которые ему особенно близки и которыми, в известной степени, он сам обладал. Надо отметить, что Альбицкий со студенческих лет интересовался философией и труды многих философов знал и читал в подлинниках.

с. 174

Этот «философский» склад ума Альбицкого, с явным стихийным тяготением при этом к диалектическому мышлению, и отразился хорошо в его монографии.

Начиная с подробного описания картины феномена «обратного» действия CO_2 и условий его возникновения (в этой части работа может удовлетворить самого строгого прагматика), Альбицкий переходит затем к обсуждению патогенеза и значения феномена; дальнейшее изложение построено уже как непрерывная логическая цепь рассуждений. Рассматриваются и отбрасываются разные предположения о возможном механизме феномена, в рассуждение вовлекаются всё более общие и широкие биологические закономерности и только в конечном счёте выдвигается общее представление о механизме обратного действия CO_2 и тесно связанная с ним общебиологическая концепция Альбицкого о «значении CO_2 , обычно содержащейся в организме», как об общем, основном условии саморегуляции обменных процессов, «тормозе» и регуляторе окисления.

Эта основная часть работы носит преимущественно теоретический характер, и фактические данные используются в ней лишь попутно и выборочно.

Такая структура работы имела, однако, и свои отрицательные стороны. Вся её основная, теоретическая часть требует внимательного, последовательного прочтения; выборочное зна-

комство с ней может даже вести к недоразумениям в оценке взглядов Альбицкого.¹ Несмотря на блестящую литературную форму изложения, непрерывная логическая цепь теоретических рассуждений может казаться утомительной читателю, не склонному к абстрактному мышлению, а сжатость приведения фактов — серьёзным недостатком работы. Возможно, этим и объясняется отчасти то обстоятельство, что ряд общих, развиваемых в монографии положений, далеко выходящих за рамки проблемы действия CO_2 , важных по своему значению для патологии, физиологии и фармакологии, остались в результате мало замеченными.

с. 175

Между тем, в работе Альбицкого был впервые широко, в чисто методологическом плане, поставлен вопрос о роли в патологии скачкообразных качественных изменений эффекта на известном этапе количественно нарастающего влияния. На этом была основана и его концепция «критических» доз и, в конечном счёте, его представление о механизме последствия CO_2 .

Альбицкий был вполне прав для того времени, заключая главу IV своей книги, указанием на то, что «вопросы: 1) об обратном действии вредных влияний вообще и 2) о критических дозах или критической силе вредных влияний и т. д. ... до сих пор не привлекали внимания исследователей». В настоящее время мало кто помнит, что они были впервые теоретически выдвинуты и обоснованы П. М. Альбицким. То же самое относится и к физиологическому аспекту книги Альбицкого — к вопросу «о биологическом значении углекислоты, обычно содержащейся в организме».

Развитие учения о роли углекислоты в регуляции различных частных физиологических процессов и функций вскоре совершенно заслонило значение развитых Альбицким общих представлений о биологической роли константы содержания CO_2 в организме как о «физиологическом тормозе и регуляторе интенсивности окислительных процессов». Привлечение общее внимание, вошёл в науку и в дальнейшем стал отправной точкой ряда исследований в области специальной физиологии и патологии в основном лишь сам феномен «обратного действия CO_2 », впервые описанный и исследованный Альбицким.

В последней, опубликованной в 1918 г., работе «Односторонность и ошибочность современного физиологического учения о значении продуктов обмена для организма и о деятельности выделительных органов. Необходимость нового учения и основные начала его»² он попытался теоретически обосновать важнейшую биологическую роль константы содержания в организме продуктов обмена вообще. Отправной точкой постановки вопроса был тот факт, что деятельность выделительных органов отнюдь не обеспечивает полного удаления из организма любых продуктов обмена, но всегда лишь некоторой их части, поддерживая содержание этих продуктов во внутренней среде организма на определённом, регулируемом физиологическом уровне. Роль продуктов обмена Альбицкий предлагал в этой статье рассматривать в двух аспектах: патофизиологического значения избыточного их накопления в организме (самоотравления ими) и чисто физиологического значения в регуляции функций организма постоянной концентрации этих продуктов в крови, поддерживаемой деятельностью выделительных органов.

с. 176

Конкретного значения отдельных метаболитов в регуляции функций и обменных процессов в этой статье Альбицкий не касался, указав, что это будет сделано в следующей, подготовляемой к печати работе. Он много работал над нею ещё и в 1921 году, но она не была закончена, а наброски её не сохранились. Между тем, о роли отдельных метаболитов в регуляторных процессах начинали уже писать. Всё это дало И. П. Павлову известные основания отозваться в 1918 г. об этой последней печатной работе Альбицкого как о «блестящей лекции». Возможно, что критика физиологического учения о значении продуктов обмена, данная Альбицким в 1918 г., была уже запоздалой. Однако в такой общей, принципиальной форме вопрос этот в физиологии всё-таки ещё не был сформулирован. Последующая разработка проблемы роли метаболитов в ауторегуляции обменных процессов целиком укладывается в развивавшиеся Альбицким общие представления.

Как профессор Альбицкий пользовался у студенчества и в Академии и в ЖМИ уважением, хотя и не был хорошим лектором. Говорил он не гладко, иногда запинаясь, повторяя слова;

¹Так, например, И. И. Голодов в своей монографии «Влияние высоких концентраций углекислоты на организм» (Л., 1946) писал, что Альбицкий считал возможным объяснить «обратное» действие CO_2 возникновением газовой эмболии. На самом деле Альбицкий, всесторонне обосновав возможность такой гипотезы, сам приходит к выводам, не имеющим с нею ничего общего.

²Альбицкий, П. М. Односторонность и ошибочность современного физиологического учения о значении продуктов обмена для организма и о деятельности выделительных органов. Необходимость нового учения и основные начала его // П. М. Альбицкий // *Русский врач*. — 1918. — № 13—16. — С. 74—80.

с. 177

разделы курса, мало интересовавшие его лично, нередко читал вяло и скучно. Острых опытов на лекциях он почти не демонстрировал, не желая губить собак без крайней нужды, хотя и прошёл у Пашутина, у которого, как он говорил, «на лекциях кровь текла рекой», большую школу и хорошо владел вивисекционной техникой. Демонстрировались лишь таблицы, иногда хронические опыты, препараты и опыты на лягушках. Но читая разделы, ближе его затрагивающие (общие вопросы патологии, патологии дыхания, голодания), он воодушевлялся и тогда умел увлечь слушателей. Прогрессивная часть студенчества отзывалась и на тот социальный, гражданский элемент, который он, как можно видеть из отрывков его лекционных конспектов (глава II), в известной степени вносил в общие вопросы своего курса. В последние годы его работы в Академии студенчество не забывало и его позиции в Академической конференции в 1906—1907 гг., в трудные для Академии годы, где он очень активно (в тактичной форме) боролся с реакционными стремлениями части академической профессуры, выступавшей за усиление репрессий в адрес левой части студенчества и так далее. В 1909—1911 гг. Альбицкий не скрывал своего отрицательного отношения к намечавшейся правительством «военизации» Академии, преследовавшей в основном задачи водворения в ней «спокойствия» и жёсткой, военной дисциплины, в условиях того времени расценивавшейся в прогрессивных кругах как реакционное мероприятие. Отчасти это было причиной и применения к Альбицкому в 1912 г. закона об увольнении в отставку после 30 лет службы в Академии. Закон этот практически часто обходился (по ходатайству начальника «на высочайшее имя»). Но к Альбицкому это применено не было.

Все 20 лет своей профессуры в Академии Альбицкий со своей семьёй (оставшейся единой и тогда, когда взрослые дети начинали сами обзаводиться семьями) прожил на казённой квартире в старом одноэтажном деревянном доме, стоявшем посреди обширного двора, обнесённого высоким забором со стороны бывшей Нижегородской улицы и территории психиатрической клиники. При доме был и небольшой сад со старыми деревьями. С 1900-х годов у Альбицких по зимам, кроме членов семьи, постоянно жили молодые провинциальные родственники, имевшие возможность благодаря этому получать высшее образование; часто собиралась студенческая молодёжь — товарищи детей и родственников-студентов. В большой казённой квартире Альбицких часто было тесно и людно.

с. 178

Во дворе зимою своими силами заливали каток, строили горки для катанья на санях; в саду гуляли с собаками. Эту необычную для Петербурга, провинциальную обстановку жизни Альбицкий очень ценил и тяжело перенёс переезд, после своей отставки, в обычную городскую квартиру в третьем этаже обширного «доходного» дома. С 1913 г. Альбицкий оставался лишь профессором в ЖМИ.

К 1912-му году институтская кафедра Альбицкого (вторая в Петербурге в то время) была уже хорошо оснащена, располагая, в частности, всем необходимым и для калориметрических исследований, набором больших газометров для газовых смесей и прочим. В 1913 г. кафедру посетил крупнейший американский исследователь в области теплообмена и обмена энергии Ф. Бенедикт, желавший лично ознакомиться с лабораторией Альбицкого и с пашутинскими методами изучения теплового и газового обмена. Бенедикт дал очень высокую оценку этим методам и калориметрической аппаратуре, особенно калориметру для человека кафедры ВМА.

с. 179

Организовать широко дальнейшую разработку проблем кислородного голодания и патологии теплообмена на кафедре в ЖМИ Альбицкому, однако, уже не удалось. Помешала первая империалистическая мировая война и связанное с этим отсутствие сотрудников. В 1914 г. его единственный ассистент Н. В. Весёлкин работал врачом во фронтовом лазарете, а в 1915—1916 гг. — в одном из тыловых госпиталей в Петрограде, был привлечён и к специальным оборонным работам и лабораторной работе мог уделять мало времени. К 1917 г. им была всё же выполнена работа по изучению влияния недостатка кислорода на рост и развитие куриных зародышей, показавшая особую чувствительность к снабжению кислородом закладки нервной системы и возможность получения на этой почве экспериментальных пороков развития. Кроме этого, Н. В. Весёлкин совместно с Е. А. Карташевским (оставшимся на службе в ВМА) работали над изучением обмена веществ при уремии, применив усовершенствованную ими методику перекрёстного кровообращения у собак: к 1917 г. ими было опубликовано лишь предварительное (методическое в основном) сообщение, работу не удалось закончить в связи с отъездом Карташевского на кафедру в Пермь. В 1918—1922 гг. Н. В. Весёлкин, В. В. Савич и В. М. Судакова изучали на кафедре патогенез паратиреопривной недостаточности; Альбицкий уже не принимал участия в этих работах, ограничиваясь преподавательской деятельно-

стью. Общение со студенческой молодёжью давало ему в эти годы большое удовлетворение; он говорил, что контакт с аудиторией у него стал более тесным.

Самую тяжёлую в бытовом отношении зиму 1919—1920 гг. Альбицкий провёл в Петрограде вдвоём с женой; сын и дочери жили в Переславле и посылки в Петроград с картофелем домашней сушки спасли чету Альбицких от чрезмерного голода. С введением по инициативе А. М. Горького «учёного пайка» о настоящем голоде уже не могло быть и речи. Все эти годы Альбицкий и его жена сохраняли здоровье и бодрое настроение. Каждое лето Альбицкий проводил в Переславле, по-прежнему занимаясь рыбной ловлей и охотой, изредка и лечением знакомых больных.

В 1919 г. в Переславле при Отделе народного образования было организовано «Переславль-Залесское научно-просветительное общество» («Пезанпроб»), развернувшее в последующие годы интенсивную деятельность. Общество избрало П. М. Альбицкого своим почётным членом; получив об этом извещение, он направил из Петрограда на имя первого председателя общества, основателя местного музея М. И. Смирнова, следующее благодарственное письмо:

Ваше любезное письмо задержалось где-то и дошло до меня лишь недавно. Этим и объясняется мой запоздалый ответ Вам и в Вашем лице молодому Переславскому научно-просветительному обществу.

От всего сердца благодарю общество за его исключительное внимание ко мне. Не скрою, однако, что вместе с радостным волнением оно заставило меня пережить и неприятное душевное состояние... Я весь век свой старался избегать всяких фальшивых положений, хотя бы и очень красивых. Я знаю, что за свою долгую жизнь мне посчастливилось сделать кое-что доброе и для науки и для многочисленных учеников и учениц своих, но мне более чем кому-нибудь ясно, что эти заслуги мои перед наукой и обществом очень и очень скромны. Это не пустые слова, а искреннее и глубокое убеждение. Поэтому во всех случаях, когда откуда бы то ни было на мою долю выпадали особое внимание и особый почёт, я всегда испытывал тяжёлое чувство — как будто меня поставили на высокие ходули, на которых я (в переносном смысле) никогда не хаживал и которые глубоко противны душе моей. Подобное же чувство испытал я вначале и при прочтении Вашего письма. Лишь потом я несколько успокоился, когда сообразил, что единогласное избрание меня почётным членом общества можно и должно ставить в связь не с размером моих «заслуг» вообще, сколько с тем, что я переславец, земляк членов общества, человек, проникнутый одинаковыми с ними чувствами к родному краю. Вот здесь уже нет ошибки со стороны общества, и я не чувствую себя в ложном положении.

По совести могу сказать, что я неизменно и горячо люблю свою милую родину, что все её невзгоды, материальные и духовные, всегда больно отзывались во мне и, напротив, всё, что клонится к её благу и счастью, вызывает во мне живейшую радость и сочувствие.

Такое сочувствие вызывает во мне и только что возникшее Переславское научно-просветительное общество. От всего сердца желаю ему найти верные пути для своей деятельности и хотя бы до некоторой степени приблизиться к своей основной цели: «сеять разумное, доброе, вечное»...

Ещё раз благодарю общество за оказанный мне высокий почёт.

П. Альбицкий.

Ранней весной 1921 г., среди полного здоровья, он почувствовал первые признаки болезни, сведшей его в могилу: приступ стеснения в груди и тяжёлую одышку после умеренной и привычной для него физической работы по перекидке дров. Врачи не находили у него никаких патологических отклонений. Учебный год он закончил, но летом, в Переславле, болезнь стала неуклонно прогрессировать и припадки одышки стали возникать всё чаще, уже без видимой причины. В Петроград осенью он уехал уже тяжело больным и не смог начать курса. Врачи и тут не ставили точного диагноза; сам он думал, что у него опухоль средостения, и, по-видимому, был прав. Убедившись, что надежды на выздоровление нет, в ноябре 1921 г. он уехал в Переславль, желая, как он говорил, умереть на родине. 12 января 1922 г. он скончался внезапно, от паралича сердца. Как он и хотел, он был похоронен в Переславле; могила его не сохранилась. Совнаркомом РСФСР его вдове была назначена пожизненная персональная пенсия, которую она и получала до своей смерти в 1932 г.

Своеобразие своей личности, привычек и склонностей (о которой дают некоторое представление вышеприведённые отрывки из его писем) Альбицкий, будучи человеком на редкость цельным, полностью сохранял до старости. В общении с людьми самого различного круга и образования он всегда оставался самим собою, держался ровно и одинаково. По общественно-политическим взглядам его лишь условно можно было бы отнести к левому крылу тогдашней либеральной интеллигенции, с большой поправкой на своеобразие его склада и сохранённый им до старости демократизм 60-х годов.

с. 180

с. 181

С радостью и большими надеждами на демократическое обновление жизни он встретил падение монархии и революцию, которых давно ждал. Если он и не смог сразу полностью понять всего значения Великой Октябрьской социалистической революции, то никаких сомнений в необходимости продолжать служить своему народу и его новому правительству в меру сил на своём посту у него не было. На этот путь он и встал сразу же после Октября без малейших колебаний, по внутреннему своему убеждению, подобно многим другим лучшим представителям тогдашней русской интеллигенции.